ИНТЕРВЬЮ 17.05.2017

Кто на самом деле правит миром?

Американист Михаэль Буттер о рептилоидах и притягательной магии теорий заговоров

Время от времени в нашу редакцию звонят люди, которые утверждают, что их «угощают» микроволновыми излучениями или что им имплантировали передатчик и теперь они находятся под управлением извне. Следует ли нам как редакции всерьез воспринимать такие страхи?

К таким страхам в любом случае надо относиться серьезно. Хотя теории заговора в подавляющем большинстве не являются в прямом смысле слова правдивыми, они функционируют как симптомы, которые могут указывать на реальные проблемы. В ситуациях, которые вы описали, это, естественно, могут быть психические проблемы человека. Однако также и те теории заговора, при которых не чувствуешь под угрозой лично себя, а скорее порядок, страну, в которой ты живешь, могут быть поняты как симптомы кризиса репрезентативной демократии, как признаки страхов человека потерять свой статус, или нечто аналогичное.

А как бы вы определили теории заговора по сути?

Существует довольно много различных дефиниций для теорий заговора. Совершенно принципиально можно было бы сказать так: теория заговора утверждает, что некая тайно действующая группа акторов добивается или уже добилась того, чтобы подорвать существующий порядок, нанести кому-нибудь вред, контролировать какую-либо организацию или страну, или даже весь мир, тиранить или даже разрушить их. Таким образом, решающим является то, что у нас есть группа, которая действует в условиях полной секретности и следует своему плану. Без плана нет теории заговора. Конечно же, на каждом шагу встречаются ситуации, когда люди просто действуют похоже, потому что у них одинаковый тип поведения, так как они подобным образом социализированы, но при этом не договаривались и не следуют никакому плану – тогда это не будет считаться заговором.

Мы наблюдали скандал с NSA (National Security Agency, Агентство национальной безопасности, АНБ), связанный с предполагаемым вмешательством России в предвыборную кампанию в США. Означают ли эти признаки секретных действий то, что мы – по крайней мере, в субъективном ощущении – переживаем период возрождения теорий заговора?

Теории заговора в последние годы стали снова заметными. Но несколько десятилетий назад в США, Германии и остальных странах Европы они были намного популярнее, чем сейчас. То есть однажды они были полностью легитимным, общепринятым знанием. Затем долгое время они были делегитимизированы, сдвинуты на окраины духовности общества, существовали прежде всего в субкультурах и не замечались как явление. Через Интернет эти теории снова приобрели известность. Если 20 или 30 лет назад кто-либо хотел опубликовать свои изыскания по теории заговора, то ему надо было бы издавать книгу за свой счет, и при этом автор едва ли смог бы найти широкий круг читателей. Сегодня через Сеть дело продвигается значительно легче и быстрее. Теории заговора благодаря их визуализации опять пользуются успехом. Тем не менее данный успех не является скачкообразным, он не резкий и не внезапный, как нам иногда могло бы показаться. Это один фактор.

Другим фактором является то, что в настоящее время мы наблюдаем во многих обществах фрагментирование общественного мнения, дезинтеграцию на сегментные и противоборствующие точки зрения. В некоторых обществах, в особенности, в том, которое мы до сих пор характеризуем как мейнстрим и в котором вращается большинство журналистов и ученых, теории заговора по-прежнему стигматизированы и делегитимизированы. Но есть и другие общества, в которых теории заговора снова достигли того статуса, который они имели несколько десятилетий назад. Здесь в теории заговора, вероятно, верят не всегда все, но в конечном итоге воспринимают как легитимное знание. Когда эти общественные мнения сталкиваются между собой, тогда одни беспокоятся по поводу абсолютно всех заговоров, которые другие не хотят видеть, а другие озабочены всеми теориями заговора, которым привержены первые.

Для многих людей легче согласиться, что где-то есть плохие парни, которые всем рулят, чем признать то, что

Вы кратко коснулись вопроса о том, что теории заговора надо воспринимать всерьез, так как они отчасти указывают на состояние общества. В чем же заключается привлекательность теорий заговора? В

никто не управляет делами со злым умыслом

конечном итоге это, несомненно, системы интерпретации. Религия тоже объясняет человеку устройство мира и, вероятно, тоже успокаивает. Какую функцию выполняет здесь некая теория заговора?

Вы правы. Как в прошлом, так и в настоящем существуют теории заговора, которые тесно связаны с религией или являются своего рода эрзац-религией. Поэтому также эпоха Просвещения играет такую большую роль в истории теорий заговора. Если мы рассматриваем современность, то здесь можно разграничить несколько функций. С одной стороны, теории заговора являются предложением пояснения. То есть мир больше не хаотичен. Это не какие-то структурно неотвратимые причины ответственны за то, что происходит, а люди. Для многих людей легче согласиться, что где-то есть плохие парни, которые всем рулят, чем признать то, что никто не управляет делами со злым умыслом.

В то же время люди, верящие в теории заговора, и особенно те, кто эти теории артикулирует и распространяет, используют для себя шанс выделиться из серой массы. Если другие, которые не поняли, что здесь полным ходом действует заговор, бегут по миру слепыми и спящими, то теоретики теорий заговора видят насквозь, что же происходит фактически.

В то же время можно сказать, что когда идентифицируешь виновных, то, естественно, приближаешься к другой функции, а именно к функции определения козла отпущения. Я могу указывать пальцем на кого-то. Также у нас есть идея, что если существует заговор, то, естественно, его можно победить. Неважно, насколько бессильными в некоторые моменты ощущают себя многие теоретики заговоров, так как теории заговора почти всегда имеют оптимистическую составляющую. Потому что все-таки можно полагать, что некий заговор не только будет разоблачен, но и побежден, и что колесо истории можно повернуть вспять, то есть все снова будет так, как было до этого заговора.

Это и обеспечивает привлекательность теориям заговора. Если, например, приверженцы PEGIDA (Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes, ПЕГИДА, «Патриотические европейцы против исламизации Запада») выйдут на улицы и будут протестовать против всего, что изменяется в этой стране – от неолиберальных экономических структур, уравнивания в правах гомосексуалистов и лесбиянок и до того факта, что на улице больше не все люди белые – и скажут при этом, что причина находится где-то в масштабных структурных

изменениях, за которые никто в действительности не ответственен, тогда не остается никакого шанса, что это изменится. Если же они говорят, что это результат сговора, потоком беженцев управляют, гендерный мейнстриминг – часть этого заговора и т. д., тогда на горизонте появляется по меньшей мере возможность снова все исправить и вернуть на свои места.

Теоретики заговоров всегда могут превратить доказательства отсутствия заговора в доказательства существования заговора

Возможно ли «взламывать» теории заговоров? Они в своем большинстве проявляются как очень резистентные. Если они ставятся под сомнение, то всплывают новые образцы пояснений, чтобы можно было держаться за изначальное толкование.

Как раз именно это и характеризует теории заговора. В этом заключается также и упрек, который часто выдвигается против теорий заговора, и то, что отличает их от истинных теорий: их невозможно оспорить.

Теоретики заговоров всегда могут превратить доказательства отсутствия заговора в доказательства существования заговора. Вот лишь один пример. Если 2 тыс. архитекторов говорят: «Всемирный торговый центр (World Trade Center) не мог быть разрушен только из-за того, что в него влетели самолеты, для этого его надо было взорвать», тогда вы говорите, что они говорят правду. Если же 200 тыс. архитекторов говорят: «Нет, это полная чушь», тогда вы говорите: «Они лгут, потому что являются частью системы. Они не хотят видеть этого, или даже им платят за то, чтобы они такую ложь распространяли». То есть в этот момент вы превратили голоса за и против в аргументы в защиту наличия заговора.

Имеются даже эмпирические исследования, которые показали, что если люди сталкиваются с убедительными доказательствами против их теорий заговора, после этого еще сильнее в них верят.

Таким образом, получается, что какую-либо теорию заговора совершенно невозможно опровергнуть?

Опровергнуть теорию заговора оказывается невероятно трудно. Причина в том, что вы атакуете также идентичность людей, выступая против их теории заговора. Я полагаю, что для вас и для меня тот факт, что мы верим – по меньшей мере в общих чертах – официальной версии террористических актов 11 сентября 2001 года, не обязательно важен для определения нашей идентичности. Но для того человека, который говорит, что за всем этим прячется американское правительство, это чрезвычайно важно. И в тот

момент, когда выступают против такого посыла, нападают также на идентичность этого человека, и поэтому запускаются упомянутые выше защитные механизмы.

Давайте обратимся к актуальному примеру и вопросу, лежит ли в его основе теория заговора или нет. В Турции упрекают «Движение Гюлена» (Gülen Cemaati) в том, что прошлым летом оно якобы инициировало путч. Имели и имеют место акции зачистки, во время которых были уволены десятки тысяч госслужащих. Как можно доказуемые факты – это движение действительно существует – отделить от того, что является теорией заговора?

В данном случае я могу необъективно оценить ситуацию. Но здесь бросается в глаза тот факт, что турецкое правительство уже тогда, когда еще вообще ничего не было доказано, встало и заявило, что это был большой заговор, чтобы использовать такое обвинение в политических целях.

«Каждый американский президент – от Джорджа Вашингтона до Дуайта Дэвида Эйзенхауэра был теоретиком заговоров

Тогда получается, что те, кто разрабатывает теории заговора и верит в них, – это не одни якобы только безвластные граждане, но и ответственные лица, а также наделенные властью политики.

Здесь нет ничего удивительного. Разве только то, что этого не было в течение предыдущих десятилетий в Германии, Франции или в США. До тех пор пока теории заговора были полностью легитимным мейнстрим-знанием, они всегда распространялись элитами и власть имущими, также и в западном мире. Каждый американский президент – от Джорджа Вашингтона до Дуайта Дэвида Эйзенхауэра был теоретиком заговоров. Это великолепно доказуемо для всех. Поэтому Дональд Трамп никаким исключением не является, он в принципе только снова представляет возврат к этому образцу. За пределами западного мира, где эта делегитимизация теорий заговора, которые мы наблюдаем, не происходила, как в Восточной Европе, так и на Ближнем Востоке с 1950-х годов, ситуация такова, что теории заговора всегда оставались инструментом власть имущих. Это мы наблюдали масштабно в Иране при президенте Махмуде Ахмадинежаде. Сегодня

мы это видим в России, где и Владимир Путин, и, конечно, все те, кто работает в Кремле, довольно часто проговаривают тему теории заговора. И мы наблюдаем это в Турции. Вопрос, на который очень сложно в конкретном случае ответить: до какой степени тема является циничным манипулированием?

Из истории нам известны люди, которые манипулировали теориями заговора и сами в них не верили. И у нас всякий раз находились такие, которые весьма виртуозно применяли теории заговора и одновременно были совершенно убеждены в их истинности. Американский сенатор Джозеф Маккарти (Joe McCarthy) – пример последнего. Он долгое время очень искусно применял теорию коммунистической инфильтрации Америки, хорошо знал, когда, что и где он должен говорить, и одновременно было относительно однозначно понятно, что он твердо убежден в том, что коммунистическая инфильтрация действительно имела место.

Что вы предлагаете в качестве золотой середины при обращении с теориями заговора?

Золотой середины не существует – по крайней мере, я не смог бы таковую предложить. На сегодня есть мало исследований на эту тему. Это сложно потому, что необходимо различать разнообразные теории заговора и соответствующим образом определять, как с ними обращаться. Тут есть различные точки зрения. Одна из них такова: если кто-либо распространяет действительно расистские, сексистские, антисемитские теории заговора и в принципе все дальше смещает границы того, что в нашем обществе допустимо, тогда я не хотел бы, собственно говоря, вступать в этот дискурс. Одновременно можно, естественно, поставить вопрос о том, что же происходит с обществом, которое так фрагментировано, что вряд ли становится возможным совместный дискурс. Поэтому принципиально важно оставаться в диалоге, то есть сигнализировать, что серьезно воспринимаешь проблему, даже если веришь не всему, что говорится.

Неужели когда-либо в истории существовал действительно грандиозный заговор, где государство, политика, армия, спецслужбы – все преследовали бы одинаковые цели?

Мне ничего неизвестно о таком, который бы функционировал и

действительно существовал. Аргумент, который снова и снова высказывается против этих теорий крупных заговоров, этих концепций, звучит так: есть, собственно говоря, так много мелких заговоров разнообразных группировок, что нет такого одного-единственного, который бы управлял всеми. Кроме того, людям не удается в течение длительного времени хранить тайну замысла в больших группировках. Надо добавить, что невозможно абсолютно точно воплотить свои намерения в жизнь. Но тут теоретики заговора и скептики, как их иногда называют, радикально отличаются друг от друга в своих толкованиях. Если посмотреть на Уотергейтский скандал (Watergate), то теоретик заговора может сказать: «Это, однако, ультимативное доказательство, это просто только вершина айсберга; под ней скрывается значительно больше». Скептик скажет: «Если даже сам американский президент, которого мы знаем как самого могущественного человека в мире, не может с помощью двух-трех помощников пошпионить за политическим противником в его партийном офисе так, чтобы это не всплыло, и он должен уйти в отставку, то как же тогда могут быть правдой эти сценарии заговоров?

Если бы вам надо было составить рейтинг, что в нем было бы самой успешной политической теорией заговора?

Самой успешной теорией заговора – в ее разных вариациях – вероятно, является антисемитская теория заговора. В Германии она привела к власти и долго поддерживала режим, с известными фатальными последствиями. Но она очень «успешно» функционировала и в других странах, в других версиях.

Наряду с такими расистскими теориями заговора существуют также безобидные, экзотические теории. Если присмотреться к ним внимательно, то какую можно было бы назвать самой новой и увлекательной?

Тем поездом, на который, вероятно, еще можно успеть в Германии, была бы, в принципе, вера в рептилоидов, в то, что нами правят внеземные ящеры. Она буквально заполнила англо-американские просторы; в Германии, по-моему, еще остается немного места.

Вопросы задавали Ханнес Альпен и Анья Папенфус.

Михаэль Буттер

Тюбинген

Михаэль Буттер (Michael Butter) является профессором американистики в Тюбингенском университете и инициатором исследовательского проекта ЕС по сопоставительному анализу скрытых значений, эффективности и опасности конспирологических теорий.